

Серегин Александр Владимирович

кандидат исторических наук,
преподаватель Института дополнительного
образования и повышения квалификации
Российского государственного
гуманитарного университета

«БЕЛЫЕ МОНАРХИСТЫ» РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920-Х ГГ.

Аннотация:

В статье представлен анализ противостояния командования Русской армии в эмиграции и разных течений русского монархизма по вопросам идеологического руководства и организационного подчинения. Выявлены причины противоречий между главнокомандующим, председателем Русского общевойскового союза (РОВС) генералом П.Н. Врангелем и руководителями Высшего монархического совета, парижских монархических групп и движением монархистов-легитимистов. Особое место отведено деятельности «белых монархистов» в 1920-е гг. – П.Б. Струве, В.В. Шульгина и И.А. Ильина. Проанализированы взгляды политических деятелей данного лагеря, выявлены точки соприкосновения с военным руководством, новизна их подходов в вопросах отношений с лидерами русской монархической эмиграции – Н.Е. Марковым, А.Ф. Треповым, А.Н. Крупенским, великими князьями Николаем Николаевичем и Кириллом Владимировичем. В заключение приведены причины неудачного взаимодействия «белых монархистов» с политическими партиями монархической эмиграции и военным руководством.

Ключевые слова:

монархическая эмиграция, «белые монархисты», Русский общевойсковой союз, П.Н. Врангель, Высший монархический совет, движение легитимистов, П.Б. Струве, В.В. Шульгин, И.А. Ильин.

Seregin Aleksandr Vladimirovich

PhD in History, Lecturer,
Institute of Continuing Education,
Russian State University
for the Humanities

WHITE RUSSIAN ÉMIGRÉ MONARCHISTS IN THE 1920S

Summary:

The research analyzes the struggle between the émigré leaders of the Russian Army and different representatives of Russian monarchist movement for ideological leadership and subordinate unit relations. The study reveals the reasons for the contradictions between the Commander-in-Chief, Chairman of the Russian All-Military Union, General P.N. Wrangel and the leaders of Supreme Monarchist Council, Paris monarchists groups, monarchist (legitimist) movement. The focus is on the activities of such White monarchists as P.B. Struve, V.V. Shulgin, and I.A. Ilyin in the 1920s. The author analyzes the views of the representatives of this movement, identifies common ground between them and the command of the army, reviews their new approaches to dealing with the leaders of the Russian émigré monarchists (N.E. Markov, A.F. Trepov, A.N. Krupensky), Grand Dukes Nikolai Nikolaevich and Kirill Vladimirovich. In conclusion, the research provides the reasons for failure in relationships between White monarchists, political parties of Russian emigration, and the command of the army.

Keywords:

émigré monarchists, White monarchists, Russian All-Military Union, P.N. Wrangel, Supreme Monarchist Council, legitimist movement, P.B. Struve, V.V. Shulgin, I.A. Ilyin.

Общее поражение Белого движения в Гражданской войне в России привело к началу массового исхода активных участников вооруженной борьбы с большевизмом в Европу. «Первая волна» оказалась в Европе уже в ноябре – декабре 1919 г. в результате поражения частей Северо-Западной армии генерала от инфантерии Н.Н. Юденича после неудачного похода из Эстонии на Петроград осенью 1919 г. Пройдя через фильтрационные лагеря в Эстонии, военнотружущие осели в основном в лимитрофных государствах Прибалтики (Эстония, Латвия, Литва) и в Германии. В Германии, Польше и Венгрии оказались части и некогда подконтрольных Н.Н. Юденичу «атаманов» – генерал-майора С.Н. Булак-Балаховича и генерал-лейтенанта П.В. Глазенапа. В феврале 1920 г. в европейские центры через Англию и Скандинавию прибыли потерпевшие поражение части Северной армии генерал-лейтенанта Е.К. Миллера. Однако самые крупные воинские контингенты стали прибывать в Европу с юга (через Турцию и Балканские государства) после эвакуации из Новороссийска частей Вооруженных сил Юга России генерал-лейтенанта А.И. Деникина (март 1920 г.), а в ноябре 1920 г. в Константинополь из Крыма главнокомандующий Русской армии генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель вывел более 150 тысяч беженцев. В Польше находились части 3-й Русской армии генерал-майора Б.С. Пермикина, которые формально подчинялись П.Н. Врангелю. К концу 1920 г. в Европе также осели части Западной армии генерал-лейтенанта князя П.Р. Бермондт-Авалова, принимавшие участие в Гражданской войне в Прибалтике при поддержке бывших кайзеровских германских генералов.

Объединение разрозненных белых воинских частей в начале 1920-х гг. в едином центре и под единым командованием создало бы мощный ресурс для продолжения Гражданской войны в России. Изначально именно эту задачу поставило перед собой командование Русской армии во

главе с П.Н. Врангелем. Серьезным успехом на этом пути можно было считать признание властных полномочий П.Н. Врангеля со стороны генерал-лейтенанта Е.К. Миллера, однако большая часть военных контингентов сохранила лояльность своим командующим, что представляло реальную преграду для структурирования армии в эмиграции под руководством П.Н. Врангеля в деле организации «весеннего похода», под которым традиционно понимались надежды на возобновление Гражданской войны против большевиков. Тем не менее на базе контингентов Русской армии главнокомандующий в 1921 г. создал «Организацию русской армии» (ОРА) в Константинополе, перенеся затем штаб в Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС) в город Сремски Карловцы. В 1924 г. для организационного подчинения военных союзов в разных странах П.Н. Врангелем был создан Русский общевоинский союз (РОВС). В качестве идеологической платформы было принято решение о сохранении «непредрешенчества» – программы белых армий, которая предусматривала борьбу против большевиков при отказе от предопределения будущей формы государственного устройства до созыва Учредительного собрания.

Наряду с военными эмигрантами в Европу направился поток гражданских беженцев, среди которых имелся значительный процент активных политических деятелей бывшей Российской империи и периода Временного правительства. К концу 1920 г. из осевших в Европе беженцев открыто на продолжение войны в России были нацелены две силы – сами ветераны воинских белых формирований и представители монархической эмиграции, не смилившиеся не только с фактом прихода к власти большевиков в октябре 1917 г., но и с Февральской революцией, покончившей с монархией в России.

Временная, как казалось в начале 1920-х гг., передышка в Гражданской войне привела к вынужденному тесному взаимодействию представителей военной и монархической эмиграции. При этом монархическая эмиграция взяла курс на захват позиций идейного и организационного руководства армией в изгнании, а армейское руководство оказалось в позиции стороны, защищающейся от идеологических и организационных атак монархистов. В период 1921–1922 гг. внутри монархической эмиграции выделились сторонники Высшего монархического союза (ВМС) в Берлине во главе с Н.Е. Марковым; парижские группы конституционных монархистов, а также примыкавшая к ним более консервативная группа А.Ф. Трепова – А.Н. Крупенского; движение монархистов-легитимистов – сторонников претендента на престол великого князя Кирилла Владимировича. Каждая из этих групп имела свою партийную тактику в отношении армейских контингентов в эмиграции.

Так, ВМС под руководством Н.Е. Маркова взял курс на идеологическое руководство, стремясь внедрить в уставы РОВС и местных военных союзов монархический лозунг «За Веру, Царя и Отечество». В мае – июне 1921 г. в баварском городе Бад-Рейхенгалле (в современном написании – Бад-Райхенхалль) прошел монархический съезд, который принял постановление об отношении ВМС к армии в изгнании. В нем отмечалось (журнал «Ауфбау» – «Возрождение»): «Все усилия русских людей должны быть направлены к сохранению и поддержке, возможно широкими мерами, тех основных кадров будущей Императорской армии, которые представляют собой уцелевшие воинские части белых армий» [1, л. 332].

Легитимисты, имевшие центр в Баварии, в городе Кобурге, с 1922 г. стремились организационно подчинить армейские союзы блюстителю государева престола (с 1924 г. – императору) Кириллу Владимировичу. В апреле 1924 г. по инициативе начальника Канцелярии великого князя – генерал-майора Е.И. Доливо-Долинского были предприняты шаги по организации «Корпуса Императорской армии и флота» (КИАФ).

Не менее опасной представлялась П.Н. Врангелю позиция парижских групп конституционалистов, которые в союзе с Русской монархической партией во Франции А.Н. Крупенского и «Русским очагом» А.Ф. Трепова с марта 1923 г. стремились выдвинуть на руководство военными союзами Верховного главнокомандующего в 1914–1915 гг. великого князя Николая Николаевича, видя в нем объединителя русского зарубежья в целом.

В период 1921–1923 гг. военные союзы эмиграции были охвачены расколами, которые были связаны со стремлением части ветеранов Белого движения выявить свою монархическую позицию. При этом разделение шло и по сложившимся на тот момент враждебным направлениям монархизма в эмиграции.

8 сентября 1923 г. П.Н. Врангель в штабе в Сремских Карловцах подписал Распоряжение № 82 по Русской армии (Приказ № 82), в котором запрещалось членство офицеров Русской армии в политических организациях и участие их в политических дискуссиях.

В нем П.Н. Врангель прежде всего отмечал экономически и политически независимый статус Русской армии: «...после трех с половиной лет изгнания армия жива; она сохранила свою независимость; она не связана ни договорами, ни обязательствами ни с государствами, ни с пар-

тиями, она собственным трудом обеспечивает свое существование» [2, л. 262]. При этом он указывал на недопустимость проявления политической инициативы со стороны офицерства, а также на необходимость следовать в этом вопросе приказам командования: «...необходимо, чтобы союзы объединили лишь тех гг. офицеров, которые сами считают себя в рядах армии. Армии не нужны те, кто не хочет откликнуться на ее зов, как и те, кто не понимает, что всякая воинская организация может существовать только на основе приказа и повиновения; не нужны и те, кто забыл опыт 1917 г., наглядно показавший несовместимость военного начала с политикой и политиканством» [3, л. 262 об.].

Санкции, предполагаемые приказом за неисполнение, ставили офицерство перед непростым выбором между политическими убеждениями и возможностью членства в военных союзах: «...Приказываю:

I. Объединение и руководство деятельностью всех офицерских союзов и обществ в разных странах осуществлять через военных представителей и военных агентов в государствах.

II. Военным представителям и военным агентам:

а) предложить офицерам, не состоящим в настоящее время в союзе данной страны, но считающих себя в составе армии, записаться в один из союзов этой страны;

б) предложить через означенные союзы всем гг. офицерам, не считающим себя в составе армии, выйти из союзов; тем из гг. офицеров, кои, состоя в союзах, входят одновременно в состав каких-либо политических организаций, предложить, как чинам армии, выйти из состава последних; те из гг. офицеров, кои не нашли бы возможности от этого уклониться, подлежат исключению из союзов. <...>;

в) указать всем союзам, состоящим ныне при управлениях военных агентов или военных представителей, на мое решительное требование не обсуждать каких-либо вопросов характера политического, предоставив обсуждение “программ”, “платформ”, “тезисов” и “лозунгов” тем, кто видит в этом спасение Родины, и памятуя, что для воина есть один лозунг – приказ начальника» [4].

Распоряжение П.Н. Врангеля вызвало негативную реакцию ВМС. Решение организации по Приказу № 82 было опубликовано в еженедельнике «Высший монархический совет» от 14 октября 1923 г.: «...распоряжение ген[ерала] Врангеля может относиться только к офицерам, состоящим в строевых частях армии и в ее штабах» [5, л. 360]. Парижские группы «николаевцев» и легитимисты открыто не выступили против решения П.Н. Врангеля, но продолжили деятельность по выводу офицеров из подчинения штабу в Сремских Карловцах, а также из региональных союзов РОВС в структуры, подчиненные представителям династии Романовых в эмиграции.

Открытую поддержку военному командованию в борьбе с монархическими организациями всех направлений стремилась оказать лишь небольшая группа политических и общественных деятелей эмиграции, которую условно можно определить как «белые монархисты», – П.Б. Струве, В.В. Шульгин и И.А. Ильин. Не отрицая идеи возможной реставрации монархии в России после падения большевиков, они тем не менее стояли на платформе армейского «непредрешенчества», видя перспективу продолжения вооруженной борьбы с большевизмом под сложившимися в годы Гражданской войны лозунгами.

П.Б. Струве (бывший начальник управления иностранных дел в правительстве П.Н. Врангеля в Крыму), являясь «тактическим монархистом» [6, с. 219] или «либерал-монархистом» [7, р. 467], в период подготовки Зарубежного съезда (1925–1926 г.) для выражения своих взглядов использовал газету «Возрождение», главным редактором которой являлся в 1925–1927 гг.

В процессе организации Зарубежного съезда ему пришлось выдержать непростую борьбу, лавируя между различными течениями внутри монархического лагеря, одновременно учитывая интересы командования и великого князя Николая Николаевича. Он не смог в открытой форме поддержать своего бывшего начальника П.Н. Врангеля и в условиях тяжелейшей борьбы внутри оргкомитета Съезда постепенно встал на сторону парижских групп и великого князя Николая Николаевича, которого планировалось объявить на Съезде «вождем» эмиграции.

Под давлением парижских монархистов П.Б. Струве был вынужден признать великого князя Николая Николаевича в качестве формального руководителя РОВС, тем более что этот статус был признан за ним самим П.Н. Врангелем в ноябре 1924 г. В июле 1925 г. П.Б. Струве писал на страницах «Возрождения» в редакторской рубрике «Дневник политика»: «Если взять все его заявления, то из них составится, на мой взгляд, хорошая, простая и ясная политическая “программа”. Но гораздо важнее, чем все заявления великого князя, что он не только был, но и есть... великого князя соединили с армией и армию с великим князем» («О “зубрах” и “интеллигенции”. О великом князе и армии») [8, с. 39–40].

Затем, в сентябре 1925 г., П.Б. Струве выразил поддержку Николаю Николаевичу и как политическому лидеру эмиграции: «Нельзя верить в имя или знамя, если не верить в дело. А дело

это – волевые усилия живых людей, стремящихся к ясной цели и наделенных необходимым для ее осуществления умением.

В организации таких волевых усилий звеном, нужным с самого начала, а вовсе не только для “увенчания здания”, является вождь. Факт и имя вождя необходимо входят в состав дела» («Суеверия и неверия») [9, с. 56].

Наконец, в январе 1926 г. он призвал оказать доверие великому князю Николаю Николаевичу как «...национальному вождю царского корня...» [10, с. 92]. При этом он выражал идеи, которые были неприемлемыми как для командования, так и для монархической эмиграции: «Национальная диктатура на крестьянском основании...» («О “Возрождении” и возрождениях») [11].

В июне 1925 г. П.Б. Струве был вынужден признать «непредрешенчество» идеологией исключительно белого командования, противопоставив ее большинству монархического офицерства: «Исторически правильнее констатировать, что, родившись в эпоху революции, на почве прямого приятия идей и настроений Февральской революции, Белое движение с самого начала получило – если посмотреть из “правого” угла – скорее левую окраску. Ни в один момент в нем не возобладала полностью и прямо монархическая идея... Может быть белые “массы” в лице добровольческого офицерства были монархически настроены, но никогда эти настроения не имели власти в движении и не накладывали на него своего идейного отпечатка» («Республика. Против РДО Милюкова») [12, с. 18].

Более того, П.Б. Струве объявил Красную армию большей продолжательницей традиций Императорской армии, чем белые армии периода Гражданской войны, отмечая, что «...Советская Россия не имела бы вообще никакой армии, если бы прочные основы военной не были заложены императорской Россией» («Царизм») [13, с. 26].

Стремясь, как и многие политики в эмиграции, к выработке идеологии «третьего пути» между «белыми» и «красными», П.Б. Струве предложил коррекцию идеологии «непредрешенчества», введя в нее идеи «контрреволюционной революции». Анализируя причины победы Красной армии над Белым движением, он отмечал: «Они, как революционеры, были лучше вооружены против исторической русской государственности, чем “белые”, которые были только военные и совсем не были и психологически в момент первых столкновений с интернациональным коммунизмом, пожалуй, и не могли еще быть революционерами.

Теперь положение другое, и мы обязаны быть революционерами. Мы должны поэтому учиться быть революционерами» («Между интервенционной истерикой и противointервенционным доносительством») [14, с. 63].

Вместе с тем П.Б. Струве выступил противником внедрения монархического лозунга в армию, вовлечения офицеров в политическую борьбу через участие в Зарубежном съезде, как председатель Съезда стремился не допустить резких выступлений против идеологии «непредрешенчества», сдерживал критические выступления Н.Е. Маркова и в упорной борьбе добился приветствия главнокомандующего наряду с другими военачальниками от имени Съезда [15, с. 638].

Стремление П.Б. Струве, прикрываясь именем великого князя Николая Николаевича, возглавить после Зарубежного съезда всю политически активную часть эмиграции не встретило понимания практически на всех флангах русского зарубежья. Отставка с поста главного редактора «Возрождения» стала логическим итогом его неудачного лавирования.

Более определенная поддержка командования проявилась со стороны идеолога русских националистов В.В. Шульгина. Как член «Русского совета» при П.Н. Врангеле в Константинополе в 1921–1922 гг., он входил в ближайшее политическое окружение главнокомандующего.

Однако в стремлении поддержать П.Н. Врангеля В.В. Шульгин оказал ему дурную услугу. Он не скрывал, что видел в главнокомандующем диктатора России на длительный срок, что было неприемлемо для монархистов, отрицавших идею военной диктатуры и настаивавших на немедленной реставрации монархии сразу после падения режима большевиков. Наблюдая за активностью В.В. Шульгина, монархисты могли сделать вывод, что он считал П.Н. Врангеля также возможным претендентом на престол. Даже находясь под надзором в СССР после длительного тюремного заключения, В.В. Шульгин не скрывал позиций крайнего «врангелиста». В очерке «Врангель» (1973) он писал: «Врангель был рожден для власти» [16, с. 489].

Он отмечал свою позицию в период крымской диктатуры П.Н. Врангеля в 1920 г.: «Кроме Врангеля, я не видел лица, о котором можно бы было хотя бы мечтать, что он сбросит большевиков и возглавит Россию» [17, с. 499].

Однако, вопреки опасениям монархистов, о «Врангеле-царе» В.В. Шульгин писал не столь оптимистично: «Был бы Петр IV... Конечно, неизвестно, удержался бы Врангель... Некоторое время, безусловно... Но потом начался бы “Крымский барон”...» [18, с. 501].

Находясь в эмиграции, В.В. Шульгин воздерживался от открытой полемики с монархистами по политическим вопросам. Опираясь на свой, как ему казалось, удачный конспиративный опыт

1918–1919 гг. по руководству подпольной организацией «Азбука» при Вооруженных силах Юга России, он с 1923 г. сосредоточился на участии в операции «Трест» и в этой роли сильно подвел П.Н. Врангеля, когда под контролем Иностранного отдела Объединенного государственного политического управления (ИНО ОГПУ) совершил якобы нелегальную поездку в СССР в 1925–1926 гг. При этом сам П.Н. Врангель, а также начальник гражданской канцелярии главнокомандующего Н.Н. Чебышев изначально выражали сомнения в подлинности «Треста», подозревая провокацию со стороны ИНО ОГПУ. Это, однако, не помешало В.В. Шульгину на пике его популярности после поездки косвенно причислять «врангелистов» к организации его поездки.

В.В. Шульгин, критикуя ВМС за «трусость» в отношении контактов с «Трестом», противопоставил ему «боевую» позицию П.Н. Врангеля и представителя главнокомандующего в Германии генерал-майора А.А. фон Лампе. При этом он акцентировал внимание на оценках главного агента ИНО ОГПУ в «Тресте» – Федорова (А.А. Якушева): «...Федоров был очень недоволен Высшим монархическим советом, к которому, по его словам, он обращался и с которым имел постоянную связь, ввиду того что сей Совет обнаружил вялость и трусость. Трусость сия состояла в том, что Высший монархический совет не прислал своего делегата в Москву, где, по словам Федорова, специально на сей предмет собрались представители организаций со многих мест России. По словам Федорова, это произвело крайне неблагоприятное впечатление на русское подполье и вызвало разочарование в Высшем монархическом совете. Отчасти по этой причине, по словам Федорова, он искал встречи с нами, которых полагал представителями конституционных монархистов, а также “врангелистами”, т. е. сторонниками генерала Врангеля» [19, л. 81].

В условиях разразившегося в 1927 г. скандала, связанного с разоблачением «Треста» как советской провокации, откровения В.В. Шульгина позволили в свою очередь ВМС встать на позицию «благоразумных» критиков. Так, А.А. фон Лампе отмечал яростные нападки Н.Е. Маркова на В.В. Шульгина на монархическом собрании в Берлине в октябре 1927 г.: «...он лягал Шульгина за “доверчивость” и давал понять, что, дескать, Якушев и ему предлагал, но он уклонился, так как понял в чем дело. Я помню это время – Марков просто испугался, да и я бы не поехал!» [20, л. 39–40].

Реальные участники операции «Трест» – сторонники великого князя Николая Николаевича из террористической «Внутренней российской национальной организации» (ВРНО) генерала А.П. Кутепова – отrekliсь от В.В. Шульгина. «Николаевцы» ответили на разоблачения специальной листовкой: «Поездка В.В. Шульгина в Россию произошла без какого-либо участия этой Национальной организации... Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич относится с полным доверием к лицу, руководящему работой указанной выше Национальной организации...» [21, л. 227].

Более того, «николаевцы», опираясь на опрометчивые высказывания В.В. Шульгина до разоблачения «Треста», усилили нападки на П.Н. Врангеля. В ноябре 1927 г. генерал-лейтенант А.С. Лукомский писал А.П. Кутепову: «...на фоне всех частных сведений по этому поводу стараниями Шульгина и Чебышева всплыла фигура барона Врангеля, изображаемого как человека осторожного и прозорливого, в каком качестве он аттестуется также Бурцевым, Керенским и Милюковым. Однако статьи Шульгина и Чебышева подтверждают: 1) что Шульгин вошел в связь с Якушевым летом 1923 г., будучи рекомендован из Югославии; 2) что барон Врангель принимал в конце 1924-го в Сремских Карловцах одного из членов “Треста”; 3) что вступление с Шульгиным и другими участниками собеседования предпринято было “Трестом” как с лицами, близкими к Врангелю; 4) что в числе этих четырех лиц, помимо Шульгина и Чебышева, находилось лицо, которое установило постоянную связь с “Трестом”... о поездке Шульгина, хотя и предпринятой помимо парижской организации, а Чебышев рассказывает о своих встречах с Шульгиным перед его поездкой в Сремских Карловцах и о беседах с Шульгиным там барона Врангеля» [22, л. 79–79 об.].

В свою очередь главнокомандующий был вынужден уволить своих ближайших сотрудников, так или иначе задействованных в «Тресте». Н.Н. Чебышев был снят с должности начальника гражданской канцелярии, В.В. Шульгин был вынужден уехать из Парижа в Королевство СХС и фактически свернуть активную работу по поддержке П.Н. Врангеля.

Однако самая активная поддержка командования исходила от русского философа И.А. Ильина, прибывшего в 1922 г. из РСФСР «философским пароходом» в Германию. Он практически сразу включился в работу по формированию «новой» белой идеологии в эмиграции и противостоял одновременно легитимистам, ВМС и «николаевцам».

В 1925 г. в Германии было опубликовано первое философское сочинение И.А. Ильина в эмиграции «О сопротивлении злу силою», на страницах которого он апеллировал к ветеранам Гражданской войны: «В поисках этого видения, мысляю и любовью обращаюсь к вам, белые воины, носители православного меча, добровольцы русского тягла. В вас живет православная рыцарская традиция; вы жизнью и смертью утвердились в правом духе служения...» [23, с. 6]. Для армии в

эмиграции И.А. Ильин разработал теорию «лучших людей» – носителей «добра» [24, с. 93, 97, 124, 130–131], противостоящих «злу», которое он видел в большевиках и их власти [25, с. 36].

Приступая к изданию журнала «Русский колокол» в 1927 г., И.А. Ильин запросил согласия армейского руководства на реализацию своего проекта. В июле 1927 г. он писал начальнику гражданской канцелярии П.Н. Врангеля князю С.Е. Трубецкому: «Приступая, согласно прилагаемому объявлению, к изданию журнала “Русский колокол” и духовно дорожа нашим единомыслием, я убедительно прошу Вас оказать журналу возможную идейную поддержку и сообщить мне со всею возможной прямою Ваше впечатление от имеющих выйти в свет первых книжек» [26, л. 207].

Благожелательный ответ князя С.Е. Трубецкого последовал незамедлительно: «Только что получил Ваше письмо и объявление “Русского колокола” и приветствую появление Вашего журнала и, зная Вас, уверен, что он будет всегда одухотворен идеей жертвенного служения России» [27, л. 207 об.].

В развернутой программе журнала «Русский колокол», направленной И.А. Ильиным А.А. фон Лампе, значительное место отводилось вопросам армейской идеологии. Находясь в идеологическом поле «непредрешенчества», И.А. Ильин представил свою трактовку этого понятия: «Говоря о белой идее, мы разумеем идею религиозно-фундированного патриотического служения на жизнь и смерть. Это есть идея волевая, героической государственности, идея характера и рыцарственной борьбы со злом; идея самообладания, чести, достоинства, дисциплины; идея свободного повиновения, жизненного добровольчества, любви и жертвы. Эта идея есть центральная для нас» [28, л. 240].

И.А. Ильин осветил также комплекс армейских вопросов, подлежащих рассмотрению в журнале: «...настойчиво проводить следующие идеи: 1) безоговорочную аполитичность армии, 2) национально-патриотическое призвание ее, 3) осмысление и возвеличение здоровых традиций императорской армии, 4) установление и осознание геройской доблести и заслуг армии во время великой войны, 5) патриотическую правоту и доблесть белой армии, 6) трагическую природу красной армии и ее призвание, 7) идейную подготовку братания между белой и красной армиями» [29, л. 238].

В целом И.А. Ильину удалось выдержать «непредрешенческую» линию на страницах «Русского колокола». Выступая на страницах журнала под псевдонимами «Старый политик», «Прибывший оттуда», «Православный странник», он несколько раз возвращался к теме армии. Так, в статье «О русском фашизме» И.А. Ильин выступил против создания «фашистских ячеек» в РОВС, апеллируя к Приказу № 82 [30, с. 265–266]. Страницы журнала были предоставлены также для выражения позиции А.А. фон Лампе, который опубликовал в нем программную статью «Причины неудачи вооруженного выступления белых». Критикуя идею выдвижения монархического лозунга в период Гражданской войны и в эмиграции, он отмечал, что он мог быть эффективным средством борьбы в случае, если бы удалось спасти жизни императора Николая II и членов его семьи. Во всех остальных случаях лозунг «За Веру, Царя и Отечество» являлся, по мнению А.А. фон Лампе, средством партийного раскола военных союзов, входящих в состав РОВС [31, с. 511–512].

Однако подъем популярности И.А. Ильина совпал со спадом деятельности П.Н. Врангеля. Главнокомандующий принял предложение А.А. фон Лампе о сотрудничестве с бывшим финансистом ВМС Б.Г. Кеппеном и Братством русской правды под руководством С.А. Соколова-Кречетова, герцога Г.Н. Лейхтенбергского и генерала П.Н. Краснова. В феврале 1927 г. А.А. фон Лампе писал П.Н. Врангелю, стремясь убедить его принять помощь Б.Г. Кеппена: «Я с ним хорош, несмотря на то, что Маркову эта близость неприятна. Но говорил с ним от себя Кречетов, и Кеппен сказал, что он служил под Вашим начальством и теперь считает себя Вам подчиненным (он поддерживает материально и наше общежитие) и только был бы очень счастлив предложить Вам у себя, на время Вашего пребывания в Берлине, отдельную комнату как спальню и свой кабинет для работы. Должен для ориентировки дополнить, что у него всегда останавливаются Антоний, Марков и Бискупский (двоюродный брат его жены)... Кеппен сам от ВМС отошел, Маркова и Ко понял, исповедует В[еликого] К[нязя] Н[иколая] Н[иколаевича] и то, что он сказал о Вас и его отношении к Вам» [32, л. 73].

Действия А.А. фон Лампе вызвали критику И.А. Ильина, считавшего, что происходит умаление его положения при главнокомандующем. В феврале 1927 г. он направил резкий протест А.А. фон Лампе, указывая ему на якобы возможный рост влияния на П.Н. Врангеля «черных» – сторонников ВМС: «К[еппен] сам говорил, что он его не любит, ему не верит, его не ценит. ...И вижу только, что приходит момент, когда я буду обязан ото всего отойти и всякую политику оставить» [33, л. 78–78 об.].

Конфликт И.А. Ильина с представителем РОВС в Германии развивался по нарастающей. В феврале 1927 г. А.А. фон Лампе отметил в «Дневнике»: «С Ильиным вышел очень резкий те-

лефонный разговор по поводу вопроса о возможности временного поселения Врангеля у Кепена – Ильин строит по этому поводу невероятные страхи о слежке, доносах и так далее со стороны черных» [34, л. 34].

Опасения И.А. Ильина частично оправдались. Уже после смерти главнокомандующего в апреле 1928 г. руководство Братства русской правды прикрывалось именем П.Н. Врангеля для повышения своего авторитета. В листовке братства в августе 1928 г. С.А. Соколов-Кречетов писал: «Полагаем, что всем известны имена покойного генерала П. Врангеля и живущих ныне русских деятелей В. Бурцева, А. Амфитеатрова и генерала П. Краснова, в различных формах свидетельствовавших о честности и реальности нашего дела...» [35, л. 227].

После смерти П.Н. Врангеля работа И.А. Ильина в РОВС ограничилась выступлением с лекциями перед офицерской аудиторией.

В целом сотрудничество «белых монархистов» с командованием носило характер персональной поддержки П.Н. Врангеля, в котором они видели единственного военачальника, способного к организации вооруженной борьбы против большевиков. Они оказали помощь главнокомандующему в непростые для него 1920-е гг., когда натиск монархических группировок на армию был особенно ощутим. Однако П.Б. Струве, В.В. Шульгин, И.А. Ильин не могли довольствоваться простым лозунгом периода Гражданской войны – «Единая, Великая и Неделимая Россия». Каждый стремился представить свою трактовку «непредрешенчества», в итоге стремление к созданию единого фронта политиков и военных оказалось неприемлемым для обеих сторон. Монархисты всех направлений обоснованно видели опасность в идеологическом влиянии «белых монархистов» и сделали все для их дискредитации. Против П.Б. Струве была репутация легального марксиста конца XIX в. и кадета начала XX в.; В.В. Шульгин был вынужден «отвечать» перед ними за участие в отречении Николая II в дни Февральской революции, а после скандала 1927 г. – за «Трест»; против И.А. Ильина было выдвинуто обвинение в якобы «агентствовании» в пользу ИНО ОГПУ. При этом аполитичность, утвержденная Приказом № 82, формально не позволяла вести открытую пропаганду в армии даже взглядов «белых монархистов».

Ссылки и примечания:

1. ГАРФ (Гос. арх. Рос. Федерации). Ф. 5853 (Дневник генерал-майора А.А. фон Лампе). Оп. 1. Д. 5. Л. 332.
2. ГАРФ. Ф. 5826 (Русский Обще-Воинский Союз). Оп. 1. Д. 4. Л. 262.
3. Там же. Л. 262 об.
4. Там же.
5. ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 13. Л. 360.
6. Смагина С.М. Российские политические партии в эмиграции: блоки и идеологии (20-е годы XX века). Ростов н/Д., 2007. 240 с.
7. Pipes R. Struve: Liberal on the Right. 1905–1944. Vol. 2. Cambridge (Mass.) ; L., 1980. 526 p.
8. Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). Париж, 2004. 872 с.
9. Там же. С. 56.
10. Там же. С. 92.
11. Там же.
12. Там же. С. 18.
13. Там же. С. 26.
14. Там же. С. 63.
15. Российский зарубежный съезд. 1926. Париж: Документы и материалы. М., 2006. 848 с.
16. Шульгин В.В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002. 588 с.
17. Там же. С. 499.
18. Там же. С. 501.
19. ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 28. Л. 81.
20. Там же. Д. 31. Л. 39–40.
21. ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 168. Л. 227.
22. Там же. Д. 166-ж. Л. 79–79 об.
23. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. 432 с.
24. Там же. С. 93, 97, 124, 130–131.
25. Там же. С. 36.
26. ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 168. Л. 207.
27. Там же. Л. 207 об.
28. ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 30. Л. 240.
29. Там же. Л. 238.
30. Ильин И.А. «Русский колокол»: журнал волевой идеи // Ильин И.А. Собрание сочинений. Т. 16. М., 2008. 856 с.
31. Там же. С. 511–512.
32. ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 29. Л. 73.
33. Там же. Л. 78–78 об.
34. Там же. Л. 34.
35. Там же. Д. 35. Л. 227.

References:

- Ilyin, IA (ed.) 1993, 'On the resistance to evil by force', *Na puti k ochevidnosti*, Moscow, 432 p., (in Russian).
- Ilyin, IA (ed.) 2008, *The Russian bell. The journal of resolute idea*, collected works, vol. 16, Moscow, 856 p., (in Russian).
- Pipes, R 1980, *Struve: Liberal on the Right. 1905–1944*, vol. 2, Cambridge (Mass.), London, 526 p.
- Russian foreign congress. 1926. Paris: Documents and materials* 2006, Moscow, 848 p., (in Russian).
- Shulgin, VV 2002, *The last witness: Memoirs. Essays. Dreams*, Moscow, 588 p., (in Russian).
- Smagina, SM 2007, *Russian political parties in emigration: blocks and ideologies (the 1920s)*, Rostov-on-Don, 240 p., (in Russian).
- Struve, PB 2004, *Journal of politics (1925-1935)*, Paris, 872 p., (in Russian).